

УДК 316.26:316.323.6

ВАЛЕРИЙ КАЗАКОВ,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела истории и теории социологии Института социологии НАН Украины, Киев

Идеальный тип в творчестве Карла Маркса и Макса Вебера

Аннотация

В работе предпринята попытка нового углубленного прочтения и понимания Марксовой теории капитализма (капиталистического общества), изложенной в “Капитале”. Эта задача предполагает, во-первых, обращение к теории идеальных типов Вебера, определение причин необходимости их конструирования, выявление их основных качественных характеристик; во-вторых, метаанализ (метатеоретизирование) на базе внешнеинтеллектуального варианта метатеории (по Ритцеру), направленного на получение углубленного социологического знания, и обращение к другим академическим дисциплинам, в частности к политической экономии. Базовые категории теории Маркса (“капитал”, “капитализм”, “капиталистический способ производства” и др.) в его исследовании выполняют роль идеальных типов, сконструированных посредством допущений и предположений (например, уравновешенности спроса и предложения, продажи товаров по их себестоимости, эквивалентного обмена и т. п.). Они образуют целостную взаимосвязанную систему, которая является не знанием об объективной реальности (капитализме, капиталистическом обществе и т. п.), а лишь средством производства такого знания.

Ключевые слова: *идеальный тип, капитал, капитализм, Маркс, объективная реальность, знание, средство познания, “капитализм вообще”, утопия, производство знания, субъективная значимость, фантазия, количественная повторяемость*

ВАЛЕРІЙ КАЗАКОВ,

кандидат соціологічних наук, старший науковий співробітник відділу історії і теорії соціології Інституту соціології НАН України, Київ

**Идеальный тип у творчості Карла Маркса та
Макса Вебера**

Анотація

У статті здійснено спробу нового поглибленого прочитання і розуміння Марксової теорії капіталізму (капіталістичного суспільства), викладеної у “Капіталі”. Це завдання передбачає, по-перше, звернення до теорії ідеальних типів Вебера, встановлення причин необхідності їх конструювання, виявлення головних якісних характеристик; по-друге, метааналіз (метатеоретизування) на базі зовнішньоінтелектуального варіанта метатеорії (за Рітцером), спрямованого на отримання поглибленого соціологічного знання, та звернення до інших академічних дисциплін, зокрема політичної економії. Базові категорії теорії Маркса (“капітал”, “капіталізм”, “капіталістичний спосіб виробництва” та ін.) у його дослідженні виконують роль ідеальних типів, сконструйованих на підставі припущень та уявлень (наприклад, урівноваженості попиту та пропозиції, продажу товарів за їхньою собівартістю, еквівалентного обміну тощо). Вони утворюють цілісну взаємопов’язану систему, яка є не знанням про об’єктивну реальність (капіталізм, капіталістичне суспільство тощо), а лише засобом виробництва цього знання.

Ключові слова: *ідеальний тип, капітал, капіталізм, Маркс, об’єктивна реальність, знання, засіб пізнання, “капіталізм узагалі”, утопія, виробництво знання, суб’єктивна значущість, фантазія, кількісна повторюваність*

VALERII KAZAKOV,

Candidate of Sciences in Sociology, Senior Research Fellow at the Department of History and Theory of Sociology, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv

An Ideal Type in Karl Marx's and Max Weber's Works

Abstract

The paper is centred around an in-depth reading and understanding of Marx's theory of capitalism (capitalist society), expounded in his seminal work "Capital". This task involves the following steps: first, referring to Weber's ideal type theory, outlining the core qualitative characteristics of ideal types and identifying reasons for their construction; second, undertaking a meta-analysis (metatheorising) on the basis of external intellectual variant of metatheory (in Ritzer's terms) aimed at gaining in-depth sociological knowledge of this subject; then, referring to other academic disciplines, political economy in particular. The basic categories of the Marxian theory — such as "capital", "capitalism", "capitalist mode of production" — perform the role of ideal types constructed through assumptions and suppositions (e. g., supply and demand equilibrium, selling commodities at their value, equivalent commodity exchange, etc.). These categories constitute an integral complex system, which, however, is not the knowledge of an objective reality (i. e., capitalism, capitalist society, etc.). Rather, it should be regarded as a means of producing such knowledge.

Keywords: *ideal type, capital, capitalism, Marx, objective reality, knowledge, a means of cognition, "capitalism in general", utopia, knowledge production, subjective importance, fantasy, quantitative repeatability*

В работах, посвященных социологии Макса Вебера, включая учебники, достаточно много внимания уделяется проблеме взаимоотношения его научного творчества с научным наследием Карла Маркса. Оценки данного взаимоотношения — даже в рамках неких научных стандартов — весьма различны и даже противоположны.

С одной стороны, упоминается полемика Вебера с марксизмом и утверждается, что “Вебер, несомненно, воевал и с К.Марксом” [История социологии, 1999: с. 231]. П.Гайденок, в частности, пишет: “Метод *идеального типизирования* разработывался Вебером в прямой полемике с исторической школой и в косвенной — с К.Марксом” (курс. мой. — В.К.) [История социологии, 1999: с. 230]. В более широком плане одна из точек зрения, существующих на Западе, состоит в том, что Вебер “*опроверг* материалистическое понимание истории и доказал приоритет этических и религиозных факторов в мировой истории” (курс. мой. — В.К.) [Философский словарь, 1989: с. 82]. На Западе даже встречается мнение, “что антимарксизм был подлинной профессией Вебера” (подр. см.: [Гайденок, 1991: с. 32]). Как представляется, в рамках противопоставления Вебера и Маркса наиболее взвешенную позицию занял Э.Гидденс: “Подобно другим мыслителям той эпохи, Вебер стремился понять характер и причины социальных перемен. Маркс оказал на него влияние, тем не менее Вебер занимал весьма критическую позицию по поводу наиболее важных положений марксистской теории. Материалистическое понимание истории было им *отвергнуто*, и классовому конфликту он отводил меньшую роль, нежели Маркс. По мнению Вебера, экономические факторы важны, но идеи и ценности оказывают такое же влияние на процесс изменения общества” (курс. мой. — В.К.) [Гидденс, 2005: с. 27].

С другой стороны, высказываются более осторожные и разносторонние суждения. Так, авторы учебного пособия “Западная социология” (1997) пишут о “значительных расхождениях” между Марксом и Вебером и что в рамках критики Вебером “всеобщностей” главным объектом был Маркс. При этом они отмечают: “Нередко можно встретить утверждение, что будто Вебер, стремясь опровергнуть Маркса, объяснил процесс экономического развития воздействием религии. По сути же мысль Вебера заключается в другом” [Громов и др., 1997: с. 110–111]. Более того, они отмечают, что, по “собственному признанию Вебера, большое значение в формировании его мышления имели работы К.Маркса, побудившие его к исследованию проблем возникновения и развития капитализма. Вообще, он относил Маркса к тем мыслителям, которые наиболее сильно воздействовали на социально-историческую мысль XIX–XX веков” [Громов и др., 1997: с. 100].

Весьма интересную позицию по данной проблеме занимает Дж.Ритцер. Он, в частности, пишет: “...во многом теории Маркса отводилась негативная роль в учении Вебера. Однако с другой стороны, Вебер работал в марксистских традициях, пытаясь пополнить теорию Маркса. Также в теории Вебера было много исходных положений учения, принадлежащего Марксу” [Ритцер, 2002: с. 42]. При этом Ритцер отмечает, что в социологии существует ряд “точек зрения на взаимоотношения между Марксом и Вебером”. Одна из них исходит из того, что Вебер разработывал свои идеи в оппозицию идеям Маркса; другая, как упоминалось ранее, заключалась в том, что он не столько оппонировал Марксу, сколько пытался пополнить его теоретические воззрения, то есть Вебер скорее следует традициям Маркса, нежели предлагает нечто совершенно противоположное. Его труды по религии, с этой точки зрения, были просто попыткой показать, что “не только материальные факторы влияют на идею, но и сами идеи воздействуют на материальные структуры” [Ритцер, 2002: с. 43]. При этом Ритцер отмечает два важных момента. Во-первых, что Вебер не был хорошо знаком с работами Маркса, так как не застал публикации многих из них. Во-вторых, Вебер “был про-

тивником в большей степени деятельности марксистов, а не творчества самого Маркса” [Ритцер, 2002: с. 42].

Несколько упрощенно можно сказать, что на взаимоотношения между Марксом и Вебером существуют две крайние точки зрения. Первая (Вебер против Маркса): Вебер — “профессиональный антимарксист”, отвергнувший и опровергший основные идеи Маркса, в частности, материалистическое понимание истории и теорию классового конфликта. Вторая: Вебер — во многом последователь Маркса, пытающийся “пополнить его теоретические воззрения”.

Следует отметить, что даже попытки разрешения указанной коллизии — и в целом, и в отдельных ее аспектах (касательно идеального типа) — открывают возможности более глубокого понимания идей как Маркса, так и Вебера, а также предоставляют возможности более адекватного понимания существующей реальности. Этим объясняется, в широком плане, актуальность “нового прочтения Маркса” (А.Гальчинский), а конкретнее — исследования, в рамках которого объектом является творчество Маркса и Вебера, а предметом — идеальный тип.

В конце XX века, в период так называемого веберовского ренессанса в социологии появилась тенденция поиска определенной “близости” взглядов Маркса и Вебера, что касается их подходов к решению ряда конкретных научных проблем, а также объекта и предмета исследования — возникновения и развития капитализма.

Например, В.Моммзен, профессор новой истории Дюссельдорфского университета, соиздатель полного собрания сочинений М.Вебера, в статье “Макс Вебер и историческая наука” отмечает, что тот изначально серьезно воспринимал Маркса, уделял ему большое место в своих лекциях, часто ссылаясь на него и “во многих отношениях был близок к научному течению, которое имело общие черты с марксизмом” [Моммзен, 1990: с. 57].

Авторы монографии “История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс” П.Гайденко и Ю.Давыдов излагают ряд существующих на Западе подходов. Так, Ч.Р.Миллс называет Вебера последователем Маркса, тогда как А.И.Вайс в своей книге “Обоснование социологии Макса Вебера” (1975) пишет о несостоятельности абстрактного противопоставления марксистской и веберовской установок, полагая, что между Марксовой и Веберовой теориями социального действия гораздо больше общего, чем, скажем, между марксизмом и “системной теорией” (подр. см.: [Гайденко, Давыдов, 1991: с. 147]). В середине 1870-х годов, отмечают Гайденко и Давыдов, западные социологи пытаются установить отношения своеобразной “взаимной дополнительности” между Вебером как “основоположником буржуазной социологии XX в.” и Марксом. “Речь идет о том, — пишут они, — чтобы “примирить” обновленный интерес к Веберу, скачкообразно возраставший в западной социологии, с неомарксистскими установками “ренессанса Маркса” в социологической мысли на Западе” [Гайденко, Давыдов, 1991: с. 146].

Несколько позже, в 1980-м западногерманские исследователи В.Шпрондель, К.Сейфарт, Э.Конау, Г.Шмидт, отметив, что и Карл Маркс, и Макс Вебер являются классиками социологии, делают вывод, что в силу этого они не могут быть причислены ни к каким отдельным “направлениям” в социологии и “предстают не в их предметно-содержательной противоположности,

равно как и не в отношении дополнительности, но прежде всего в отношении временной последовательности. Они описывают различные фазы общественного и экономического развития; они репрезентируют различные фазы развития социальных наук и наук о культуре, прежде всего политической экономии и социологии” (цит. по: [Гайденко, Давыдов, 1991: с. 150]).

По мнению самих Гайденко и Давыдова, Вебера нельзя считать ни последователем Маркса, ни его решительным оппонентом, хотя они признают существенную близость взглядов классиков по ряду вопросов. Например, и Маркс, и Вебер исходят из социальной обусловленности знания, “что сближает веберовский подход с марксизмом, причем “сближение” это устанавливается в *существенно важном пункте*” [Гайденко, Давыдов, 1991: с. 144]. С другой стороны, Гайденко с Давыдовым пишут о влиянии Маркса на определенные теоретические положения, высказанные Вебером. Например, Веберова “формальная рациональность” у Маркса отображается в понятии “абстрактного труда”, и “влияние Маркса на Вебера в этом пункте не подлежит сомнению” [Гайденко, Давыдов, 1991: с. 77].

Теоретические построения К.Маркса и М.Вебера в контексте классового подхода имеют разное мировоззренческое содержание как идеологические конструкции, относящиеся к разным классам. Но освобожденные от своей идеологической формы, от того, что Вебер называл “социальной политикой”, они по своему научному содержанию оказываются весьма близки. И не только по предмету исследования (капитализм) и постановке вопросов, но и по предлагаемым решениям определенных проблем. Научные системы обоих социологов оказываются взаимодополняемыми, совместимыми, пересекающимися, представляя собой элементы единой науки — социологии. Можно высказать гипотезу, что, имея общие научные интересы и один объект исследования, Маркс и Вебер не могли не быть в некоторой мере близки по содержанию своих теоретических построений и, особенно, по методам и средствам исследования. Они создавали одну науку — социологию и пытались установить одни и те же законы — закономерности деятельности людей. Мировоззренческие же выводы из этих научных построений могли быть и были разные.

Такой подход к научным системам Маркса и Вебера открывает интересную возможность рассмотреть наследие Карла Маркса сквозь призму результатов научного творчества Макса Вебера.

Вебер

Как известно, Вебер создал теорию идеального типа и ввел в научный оборот это понятие. Он широко использовал его как методологическое средство постижения социальной действительности. В своей статье “Объективность” социально-научного и социально-политического познания” (1904) Вебер указывает на причины, делающие необходимым его применение. Среди них: неопределенность содержания используемых понятий, их односторонняя ограниченность, необозримость области и предмета исследования, нестабильность границ изучения тех или иных сфер общественной жизни и др. Среди этих причин можно выделить основные.

Во-первых, как утверждает Вебер, осмысливаемая нами действительность предстает как бесконечное многообразие явлений — она сама, как и ее познание, бесконечны. “Абсолютная бесконечность такого многообразия

остаётся неизменной в своей интенсивности и в том случае, когда мы *изолированно* рассматриваем отдельный ее “объект” (например, конкретный акт обмена), как только мы делаем серьезную попытку хотя бы только *исчерпывающе* описать это “единичное” явление во всех его индивидуальных компонентах, не говоря уже о том, чтобы постигнуть его в его каузальной обусловленности” [Вебер, 1990: с. 369]. Возникает вопрос: что тогда познавать, что является объектом познания, если не всеобщим, то хотя бы отдельным, единичным? Вебер указывает на распространенный в науке возможный вариант ответа на данный вопрос, с которым он был не совсем согласен. В частности, он пишет: “только определенные стороны бесконечных в своем многообразии отдельных явлений, те, которым мы приписываем общее *культурное значение*, представляют для нас познавательную ценность, только они являются предметом каузального объяснения. Однако и в каузальном объяснении обнаруживается та же сложность: *исчерпывающее* каузальное сведение какого бы то ни было конкретного явления во всей *полноте* его действительных свойств не только практически невозможно, но и бессмысленно” [Вебер, 1990: с. 376]. Коротко иначе: необходимо изучать в первую очередь не причинно-следственные связи, а общую культурную значимость.

В огромном многообразии социальной действительности мы познаем не все, а только определенную часть — часть, имеющую общее культурное значение, но из огромного потока восприятий, касающихся даже этой части, мы используем, систематизируем и упорядочиваем тоже только часть. Следует еще раз подчеркнуть: *познавать все бессмысленно и практически невозможно*. Но где критерии, по которым мы из бесконечного многообразия вычленим нужные нам “части”? По какому принципу устанавливается вычленение этих частей? Долгое время предполагалось, что в любой науке решающий признак следует искать в “закономерной” *повторяемости* причинных связей, которая говорит об их “существенности” для науки, как если бы, возражал Вебер, установив “закономерность” причинной связи посредством исторической индукции или “сделав ее непосредственно зримой очевидностью для нашего внутреннего опыта”, это означало бы, что всякой найденной таким образом формуле будет подчиняться сколько угодно однородных явлений. То есть в науке сформировался ошибочный подход, в рамках которого “идеалом всякого, в том числе и исторического, познания (пусть даже этот идеал перемещен в далекое будущее) является система научных положений, из которой может быть “дедуцирована” действительность” [Вебер, 1990: с. 370]. Но этот подход, по мнению Вебера, ориентирован на количественную повторяемость, а не на качественную культурную значимость.

По Веберу, посредством установления “общего культурного значения”, представляющего для субъекта познавательную ценность, сконструированный идеальный тип должен ограничивать и ограничивает безграничность познания. Идеальный тип нацеливает познание на исследование изолировано рассматриваемого отдельного объекта или отдельных изолированных его частей, сфер, качеств и иных характеристик. При этом в процессе тех или иных познавательных операций могут выдвигаться различные допущения для ограничения бесконечности как самого объекта, так и его познания.

Существуют и иные варианты решения проблемы безграничности познания, один из них, например, предложил Николай Кондратьев (1892–1938) (подр. см.: [Казаков, 2014: с. 185–186]).

Во-вторых, действительная история индивидуальна, индивидуально действительное общественное бытие, индивидуален каждый объект исследования исторических наук, да и любой науки об обществе. Индивидуальны действия каждого индивидуального исторического субъекта, индивидуальны результаты этих действий. “Отправным пунктом интереса в области социальных наук служит, разумеется, *действительная*, то есть индивидуальная, структура окружающей нас социокультурной жизни в ее универсальной, но тем самым, конечно, не теряющей своей индивидуальности связи и в ее становлении из других, также индивидуальных по своей структуре культур” [Вебер, 1990: с. 371], — пишет Вебер. Он специально подчеркивает, что мы познаем *историческое*, то есть “*значимое* в индивидуальном *своеобразии* явления” [Вебер, 1990: с. 375–376)]. “Если в астрономии, — утверждает Вебер, — наш интерес направлен только на чисто *количественные*, доступные точному измерению связи между небесными телами, то в социальных науках нас прежде всего интересует *качественная* окраска событий” [Вебер, 1990: с. 371].

Вместе с тем, по мнению Вебера, различие между естественными и общественными науками “оказывается не столь принципиальным, как представляется на первый взгляд”. В последних повторяемость каузальных связей хоть и индивидуальная, все же существует, а значит можно выявить “законы” общественного бытия. Далее необходимо решить еще три задачи, и для реализации их “наличие ясных понятий и знания таких (гипотетических) “законов” было бы весьма ценным средством познания, но только средством; более того, в этом смысле они *совершенно* необходимы” [Вебер, 1990: с. 373].

Собственно, Вебер не отрицает существования закономерностей в общественном развитии и возможности формулирования законов в социальном познании, но констатирует, что “знание *законов* причинной обусловленности не может быть *целью* и является только *средством* исследования” [Вебер, 1990: с. 377]. Он приходит к выводу, что в области наук о культуре знание *общего*, каузальное познание историка есть *сведение* конкретных результатов к их конкретным причинам, а *значимость* сведения какого-либо индивидуального результата к его причинам без применения “номологического” знания (то есть знания законов каузальных связей) *немыслима* [Вебер, 1990: с. 377].

Такой подход направлен против гегелевского панлогизма, переходящего в сфере общественных наук в натурализм, натуралистический предрассудок, заключающийся в представлении будто в понятиях и формулировках “законов” в данной сфере и может содержаться знание, подобное точным выводам естествознания. Панлогизм исходит из того, что якобы возможно выведение действительности из этих “законов”, неких абстрактных теорий и абстрактных понятий, будто в них схвачена подлинная реальность общественного бытия. В частности, Вебер пишет, что с точки зрения панлогизма, “если разработать соответствующие “точные” теории из всех принятых во внимание факторов, то во всех этих абстрактных теориях в их совокупности будет содержаться подлинная реальность вещей, то есть те стороны действительности, которые достойны познания” [Вебер, 1990: с. 386–387]. На самом же деле, формулируемые в общественных науках “законы” бытия могут быть средством познания, а не целью; знание их является не знанием об объективной социальной действительности, но средством для его достижения.

В рамках такого подхода есть два типа знания: а) знание объективной реальности и б) знание средств его получения, таких как абстрактные понятия. Идеальный тип как раз и нацеливает на получение знания о действительной, объективно-конкретной исторической реальности.

В-третьих, необходимость конструирования идеального типа объясняется тем, что в истории действует субъект, обладающий сознанием и волей, имеющий определенные интересы и ценности, и поэтому познание общественного бытия осуществляется, исходя из значения социального познания для познающего субъекта. В основе познания лежит его значимость для человека, который познает не просто ради самого познания, а для придания миру значимого для него (человека) смысла, ради изменения мира. Как пишет Вебер, “познание культурных процессов возможно только в том случае, если оно исходит из *значения*, которое для нас всегда имеет действительность жизни, индивидуально структурированная в определенных *единичных* связях. В *каком* смысле и в *каких* связях обнаруживается такая значимость, нам не может открыть ни один закон, ибо это решается в зависимости от *ценностных идей*, под углом зрения которых мы в каждом отдельном случае рассматриваем “культуру”” [Вебер, 1990: с. 378–379]. Далее Вебер продолжает: “... мы обладаем способностью и волей, которые позволяют нам сознательно занять определенную позицию по отношению к миру (курс мой. — В.К.) и придать ему *смысл*. Каким бы этот смысл ни был, он станет основой наших *суждений* о различных явлениях совместного существования людей, заставит нас отнестись к ним (положительно или отрицательно) как к чему-то для нас значительному. Каким бы ни было содержание этого отношения, названные явления будут иметь для нас культурное *значение*, которое только и придает им научный интерес” [Вебер, 1990: с. 379].

В какой степени субъектом определяется значимость явления, насколько она осознанна и как субъективная значимость соотносится с объективной — это иные проблемы. Но следует подчеркнуть, что воля, свобода выбора, конкретная индивидуальность субъекта накладывают свой отпечаток на данную значимость. Собственно, а) идеальный тип конструируется, создается субъектом, и б) в его рамках происходит не установление, а *назначение* субъективной значимости, общего культурного значения.

Итак, в процессе познания необходимо дать ответы на ряд вопросов. Как “охарактеризовать” индивидуальное (конкретное) событие, выходя за рамки его простого описания? Как определить культурное значение даже самого простого индивидуального, или действительного события? Каким способом установить значение индивидуального? Эти вопросы можно свести к проблеме определения, конструирования понятия.

Понятие может определяться “по своему содержанию посредством “беспристрастного” *описания* какого-либо конкретного явления” [Вебер, 1990: с. 392]. Данное описание имеет эмпирический характер, описывает действительность, но если принять во внимание указанную Вебером практическую невыполнимость и теоретическую бессмысленность такой познавательной операции, то определение понятия этим путем оказывается весьма проблематичным.

Понятие может также определяться “посредством абстрагированного сочетания черт, общих *многим* конкретным явлениям” [Вебер, 1990: с. 392]. Однако термины и понятия, используемые при этом, “содержат такие не-

определенные мысленные образы, идущие от безотчетной потребности выражения, значение которых лишь зримо ощущается, а не отчетливо мыслится” [Вебер, 1990: с. 392]. То есть и этот путь определения понятия оказывается довольно проблематичным.

Классическое определение через род и видовое отличие, как утверждает Вебер, — “просто бессмыслица; чтобы удостоверится в этом, достаточно произвести проверку. Такого рода установление значения слова применяется лишь в догматических науках, оперирующих силлогизмами” [Вебер, 1990: с. 393]. Следует отметить, что такая познавательная операция основывается во многом на описании индивидуального, действительного, объективного, но не единичного, а многого и, кроме того, на базе количественной повторяемости.

Но вот попытка дать “генетическую дефиницию” (субъективно конструируемую) понятийного содержания приводит к тому, что у понятия сохраняется, точнее возникает, специфическая форма идеального типа. “Это — мыслительный образ, *не являющийся* ни исторической, ни тем более “подлинной” реальностью” [Вебер, 1990: с. 393]. Собственно, Вебер утверждает, что попытка дать генетическое определение превращается в конструирование (создание) своеобразного идеального типа. С его точки зрения, “каждое не чисто классификационное понятие уводит нас от действительности” [Вебер, 1990: с. 394], выполняя функции идеального типа, и таким образом превращается в “идеальный тип”, в мыслительный образ. Вероятно, это свойство — нетождественность объективной реальности — представляет собой атрибутивную характеристику идеального типа.

Создавая теорию идеального типа, Вебер предпринимает попытку решения ряда фундаментальных вопросов: “Каковы логическая функция и структура *понятий*, которыми пользуется наша, как и любая другая, наука? Или, если сформулировать вопрос точнее, обращаясь непосредственно к решающей для нас проблеме: каково значение *теории* и образования теоретических понятий для познания культурной действительности?” [Вебер, 1990: с. 383].

Как уже указывалось, почти любая попытка формирования генетических понятий приводит к формированию идеального типа — логической конструкции, посредством которой производится знание. Необходимо четко разделять эту логическую конструкцию и знание об объективной реальности, и чем “чище” идеальный тип, чем дальше он от реальности, тем лучше он “работает”, выполняя свою функцию познавательного средства.

Однако содержание концепции идеального типа несколько противоречиво: идеальный тип хоть и является чисто логической конструкцией внеэмпирического происхождения, все же имеет связь с объективной действительностью, он “выделяется” из нее, то есть в какой-то мере есть и некоторое знание об объективной действительности — не только средство, но и определенный результат познания, не только фантазия, но и некоторое отражение бытия.

Следует еще раз отметить, что теория идеального типа Вебера имеет большое значение для критики гегелевского панлогизма, который разными путями проник в советскую науку и философию, продолжая во многом господствовать и в постсоветский период. Именно он явился гносеологической основой разных форм извращенного марксизма, включая сталинизм. Механистически понятый принцип тождества мышления и бытия приво-

дил к натурализму в обществоведении, отождествлению понятия и действительности, теории и истории, к “подгонке” реальности под абстрактные схемы. Вебер в свое время предупреждал: “ничего не может быть опаснее, чем коренящееся в натуралистических предубеждениях *смещение* теории и истории, в форме ли веры в то, что в теоретических построениях фиксировано “подлинное” содержание, “сущность” исторической реальности, или в использовании этих понятий в качестве прокрустова ложа, в которое втискивают историю, или, наконец, в гипостазировании “идей” в качестве стоящей за преходящими явлениями “подлинной” действительности, в качестве реальных “сил”, действующих в истории” [Вебер, 1990: с. 394].

Хотя теорию “идеального типа” в виде определенной совокупности четко сформулированных и изложенных в литературе положений действительно создал Вебер, применение “идеального типа” как средства познания восходит еще ко временам античности.

Согласно платоновской теории “идей”, существуют текучие, бранные вещи или предметы, которые представляют собой только несовершенные копии совершенной идеи. Она — первопричина, источник существования вещей, их добродетель, идеал, совершенство, которого сами вещи достичь не могут. Вещи не могут в полной мере обладать теми совершенными качествами, присущими самой идее. Точно так же существующие государственные устройства являются не более чем неточными и несовершенными копиями истинной формы государства, своего рода образца для подражания. Совершенные идеи существуют до и вне чувственных вещей, которые в своем развитии все в большей мере отдаляются от идеи, все более приобретают несовершенные качества своей первоосновы.

“Идея” Платона — своего рода прообраз “идеального типа” М.Вебера, который не может иметь совершенных качеств идеи. Она обозначает, в сущности, то, чего нет и не может быть в действительности (утопию), но при этом является средством познания вещей через узнавание их идей.

Маркс

Принимая во внимание глубокие исторические корни (в частности средневековый спор между реализмом и номинализмом об универсалиях) и длительную практику применения того, что было названо Вебером “идеальным типом”, в качестве средства познания в философии, можно высказать гипотезу: К.Маркс в своей теоретической и исследовательской деятельности, а также для изложения ее результатов в своих работах мог использовать “идеальный тип” как средство познания. В “Капитале” Маркс представляет и предлагает не знание об объективно-реально существующем капитале и капиталистическом обществе, а лишь средство для производства знания о реально и объективно существующем капитале и капиталистическом обществе. Иначе говоря, капиталистического общества, о котором писал Маркс в “Капитале”, объективно, в действительности не существует.

Гайденко и Давыдов фиксируют интересную черту близости взглядов Маркса и Вебера — использование Вебером (что делал и Маркс) при анализе капитализма идеальных типов из политической экономии. “Чистые типы” социологии Вебер сравнивает с идеально-типическими конструкциями *политической экономии* (курс. мой. — В.К.) в том отношении, что в обоих

случаях имеет место конструирование такого протекания человеческого действия, *как если бы* оно происходило в *идеальных условиях*, и, во-вторых, что обе дисциплины рассматривают эту идеальную форму протекания независимо от локальных условий места и времени” [Гайденко, Давыдов, 1991: с. 49]. Можно сказать, что исследования обоих мыслителей, особенно Маркса, являясь по своему содержанию социологическими, принимают специфическую форму политической экономии.

Следует отметить, что в политической экономии, как и в любой науке, использование допущений и предположений является нормой, стандартом и необходимостью. Как утверждает К.Эклунд, в свое время бывший советником министра финансов Швеции: “Общество — чрезвычайно сложный феномен, который постоянно развивается и изменяется... в политической экономии приходится не экспериментировать над реальной жизнью, а применять модели (разновидность упрощенных описаний действительности)... Обычно *экономическая модель* представляется (в простейших случаях) в виде графика либо (в более сложных случаях) в виде *системы уравнений*, где изменения условий задачи приводят к различным *математическим* решениям. Чтобы эти модели “работали” и давали наглядные результаты, их необходимо упрощать..., конструируя модели, экономисты обычно вводят ряд упрощений, чтобы сделать модели как можно более ясными и однозначными... Одновременно утверждается, что в экономике не происходит абсолютно ничего, кроме тех процессов, которые мы хотим исследовать и включаем в анализ. Последнее предположение обычно звучит так: “при прочих равных условиях”... подобные предположения нереалистичны, ибо в действительности все обстоит иначе. И это обычный источник критики со стороны тех людей, которые впервые соприкасаются с экономистами. Они разочарованы и недовольны — ведь рассуждения экономистов так далеки от жизни... Тем не менее очевидно, что моделирование (и сопутствующие упрощения и абстракции) в известной мере необходимо как в экономических, так и почти во всех иных науках. Политэкономии приходится “отвлекаться” от действительности” [Эклунд, 1991: с. 24–25].

Исходя из этого, можно сказать, что экономические модели предполагают упрощенное описание действительности, в частности посредством систем уравнений, требующих математического решения. Экономические модели строятся на базе эмпирического анализа и количественного описания посредством математических уравнений, они направлены на решение конкретных задач, которые можно охарактеризовать как частные, отличные от “абстрактных рассуждений”. На данные качества экономических моделей указывает и американский экономист Василий Леонтьев, более того, он считает большим недостатком “перекос от эмпирического анализа в сторону абстрактных рассуждений” [Леонтьев, 1990: с. 20].

Идеальные типы (в Веберовом смысле), конструируемые Марксом, принципиально отличаются от экономических моделей, они создаются на основе назначенной им субъективной значимости тех или иных качеств социального феномена, а не на основе количественной повторяемости тех или иных характеристик и причинно-следственных связей. Иначе говоря, они имеют качественный, а не количественный характер. Кроме того, идеальные типы затрагивают фундаментальные, качественные “абстрактные суждения” теории, а не некие количественные описания.

Следует отметить, что, по Ритцеру, такого рода рассмотрение взаимоотношений социологии и экономики не только возможно, но и необходимо. Он отмечает, что в современной социологии произошел рост интереса к метатеориям, которые направлены, в частности, на достижение более глубокого понимания социологической теории и, как вариант, в поисках идей, инструментов, понятий и теорий, которые можно использовать для анализа социологической теории, обращаются к другим академическим дисциплинам. Собственно, сама потребность в метатеоретизировании нередко связана с междисциплинарным характером многих социологических теорий, а также «необходимостью изучения и сведения воедино идей из разных областей знания» (см.: [Ритцер, 2002: с. 564]).

Более того, Ритцер считает, что «“Капитал” (1867), который, по общему признанию, является одной из наиболее эмпирических работ Маркса, поскольку в ней с помощью использования правительственных отчетов и статистики непосредственно рассматриваются реалии капиталистического труда, определяется как вдохновленный более ранним метатеоретическим творчеством Маркса и сам содержит метатеоретизирование» [Ритцер, 2002: с. 566]. Последнее предполагает, наряду с прочим, использование для социологического анализа капитализма, капиталистического общества идей, инструментов, понятий и теорий другой академической дисциплины — политической экономии.

Объектом Марксовой работы «Капитал» является капитализм как специфический этап в истории человечества. В рамках своего исследования, осуществленного в «Капитале», Маркс постоянно ограничивает его некими рамками. Цели этого различны: ограничить безграничность познания капитала (функция идеального типа), исследовать его в «чистом виде», выявить «общее культурное значение» (по Веберу) или значимость тех или иных характеристик капитала и его качеств, например, роль и статус капитала в истории. Условия, допущения и предположения, используемые Марксом для этого, многочисленны и разнообразны, одни из них он применяет в конкретном анализе конкретных явлений, другие присутствуют в процессе всего исследования и накладывают на него существенный отпечаток, придают специфическую форму его результату (идеальный тип). Проанализируем ряд таких допущений и предположений.

Следует отметить, что первый том «Капитала» написан и отредактирован самим Марксом и был издан при его жизни в сентябре 1867 года. Второе издание данного тома в 1872 содержит изменения, сделанные самим Марксом. Второй и третий тома «Капитала» редактировались Энгельсом и вышли в свет после смерти Маркса соответственно в 1885 и 1894 годах. В этот же период вышли третьи (1883) и четвертые (1890) издания первого тома, в которые также вносились изменения. Считается, что только четвертое издание первого тома является окончательным, и именно с него осуществляются его переводы и последующие публикации. Четвертый том «Капитала» («Теории прибавочной стоимости») был издан в 1905–1910 годах под редакцией К.Каутского, но, как утверждают аналитики, с целым рядом произвольных отступлений от авторской рукописи. Каждый том «Капитала» *имеет собственное название*, свои цели и задачи и, вероятно, может рассматриваться как относительно самостоятельное произведение. Это и произошло де-факто, особенно по отношению к первому тому «Капитала». В каждом

томе присутствуют относительно независимые допущения и предположения, от которых Маркс в других частях “Капитала” отказывается, но в тексте присутствуют и общие для данного труда в целом ограничения потенциально бесконечного познания капитала и капиталистического общества.

Начнем с, пожалуй, наиболее ясного и простого допущения, используемого Марксом во втором томе “Капитала”, озаглавленного “Процесс обращения капитала”. Приводя ряд аргументов, Маркс обосновывает возможность некоего допущения при исследовании капитала, в частности, процесса его обращения, хотя не указывает конкретных рамок использования этого допущения. “Введение внешней торговли в анализ ежегодно воспроизводимой стоимости продукта может, следовательно, *только запутать дело*, не доставляя нового момента ни для самой задачи, ни для решения ее. Следовательно, ее *совсем не надо принимать во внимание*” (курс. мой. — В.К.) [Маркс, 1961: с. 534]. Однако чуть ниже Маркс писал: “Капиталистическое производство вообще не существует без внешней торговли” [Маркс, 1961: с. 534]. И хотя в этих двух цитатах речь идет о разных феноменах (в первой — о капитале, а во второй — о капиталистическом производстве), все же возникает вопрос: исследует ли Маркс реально существующие капитал, капиталистическое производство и капитализм в целом?

Данное допущение помогает понять специфическую особенность построения Марксом текста “Капитала”. Если говорить упрощенно, она заключается в том, чтобы вначале сформулировать один тезис, а потом — прямо противоположный, что особо остро воспринимается теми, кто не осознает, что таким образом Маркс конструирует идеальные типы, которые по самой своей сущности, априори абстрагируются от объективной реальности. Так, с одной стороны, Маркс утверждает, что капитализм не может существовать без внешней торговли, а с другой — заявляет, что будет исследовать такой капитализм, в котором она “отсутствует”. Кроме того, конструирование разных идеальных типов для достижения разных целей и решения разных задач в разных познавательных ситуациях (например, в разных томах “Капитала”) требует разных, часто противоречащих друг другу допущений. Как следствие идеальные типы не только не совпадают с реальностью, но и могут противоречить друг другу. Данная познавательная ситуация, порождающая такого рода противоречия, дает повод многим исследователям и политикам говорить о “научном самоубийстве” Маркса, а сам “Капитал” воспринимать как “химеру”. Однако каждая такая познавательная ситуация требует конкретного анализа, сопряженного с попытками дать ответы, возможно вариативные, на ряд вопросов. Почему (причины) и зачем (цели и задачи), посредством чего (допущения) Маркс конструирует идеальные типы, каковы их роль и функции? Если же в духе панлогизма полагать идеальные типы как знание об объективной реальности, то, естественно, они предстают как “химера”. Это и явилось одним из оснований, с одной стороны, последующей критики Маркса, включая современную, а с другой — для возникновения псевдомарксизма (сталинизма, маоизма и т.п.), антимарксизма и антикоммунизма.

Вторым я бы выделил допущение Маркса, сделанное в первом томе “Капитала” (“Процесс производства капитала”), опять же на основании ряда аргументов, объясняющих, почему, как он пишет, “в нашем анализе основной формы капитала, той его формы, в которой капитал определяет собой экономическую организацию современного общества, мы *пока совершенно не*

будем касаться наиболее популярных и, так сказать, допотопных форм капитала, т.е. торгового капитала и ростовщического капитала” [Маркс, 1960: с. 174] (курс. мой. — В.К.). Из этого высказывания видно, что Маркс в данной части текста пишет не о капитале в целом и не о капиталистическом обществе как общественно-экономической формации определенного типа, а только об определенной — основной — форме капитала, а именно — о производственном капитале. При этом Маркс исследует его не как объективную реальность, существующую в конкретном обществе, а как некую мыслительную конструкцию, отвечающую его аналитическим задачам, тогда как в реальных условиях производственный капитал без торгового и банковского (финансового) капитала существовать не может. Собственно, сам Маркс это понимает, утверждая, что крупные масштабы капиталистического производства “необходимо предполагают и крупные масштабы сбыта, следовательно, — *предполагают продажу товаров купцу*, а не отдельному потребителю” [Маркс, 1961: с. 127] (курс. мой. — В.К.).

Это второе допущение приводит как следствие к тому, что Марксу в своем исследовании приходится исходить и из того, что “каждый промышленный капиталист является непосредственно продавцом, даже купцом по отношению к самому себе” [Маркс, 1961: с. 127]. В первом томе он абстрагируется от процесса торговли, от деятельности продавца, устраняет его из своего анализа, будто того и нет, будто он совершенно не нужен. Если же речь идет о торговом капитале, то не как о самостоятельном и независимом, а как о форме существования капитала производственного. “Куплено ли Т окончательным потребителем или купцом, который намерен перепродать его, это непосредственно в деле ничего не меняет” [Маркс, 1961: с. 87], — пишет Маркс, игнорируя роль торгового капитала. Хотя это написано в рамках второго тома “Капитала” (“Процесс обращения капитала”), данная мысль в этой части относится к тому первому, характеризуя процесс производства капитала. Но далее, во втором томе Маркс продолжает: “При массовом производстве непосредственным покупателем может быть, кроме других промышленных капиталистов, *только оптовый купец*” [Маркс, 1961: с. 88] (курс. мой. — В.К.). Здесь Маркс обосновывает включение торгового капитала в рамки исследования (но уже во втором томе “Капитала”), что означает отказ его от выделенного мною второго допущения. То есть данное допущение имеет силу лишь в первом томе “Капитала”, где Маркс абстрагируется не просто от существования торгового капитала, а от сферы распределения вообще и исследует лишь процесс непосредственного производства продукта труда, оставляя его дальнейшее движение (распределение, обмен, потребление, доставку товара потребителю и т.д.) вне своего анализа.

Возможно, именно это специально сделанное Марксом в первом томе “Капитала” ограничение послужило гносеологической основой игнорирования в XX веке в различных версиях марксизма и псевдомарксизма значения распределения и потребления, сведения всего целостного и структурированного общественного производства к непосредственному изготовлению вещного продукта, воспринимаемого в форме товара.

Вполне понятно, что капиталистического общества, в котором не было бы купца-посредника и где бы функции его исполнял сам производитель, просто не существует и не может существовать. Такое общество есть некая фантазия, условность, предположение. Поэтому, повторю, можно сказать,

что Маркс не исследует конкретно существующее капиталистическое общество, а создает некую теоретическую систему, представляющую собой идеальный тип.

Рассмотрим третье допущение. Отмечая, что процесс кругооборота капитала проходит три стадии, Маркс констатирует, что: “В первом томе первая и третья (стадии. — В.К.) исследовались лишь в той мере, в какой это было необходимо для понимания второй стадии — процесса производства капитала” [Маркс, 1961: с. 31]. Иначе говоря, при исследовании производства капитала (первый том) анализировалась лишь одна его форма — производственный капитал. Это происходило при *допущении* отсутствия иных его форм и неучастия их в производстве капитала, а также отсутствия таких стадий кругооборота капитала, как превращение денег в товар (Д — Т) и превращение товара в деньги (Т — Д). Более конкретно это проявилось во втором допущении — об отсутствии торгового и ростовщического (банковского, финансового) капитала.

Маркс объясняет свою позицию ограничения исследования некими допущениями: “Чтобы понять эти формы в их чистом виде, *необходимо прежде всего отвлечься* от всех моментов, которые не имеют ничего общего со сменной форм и образованием форм как таковыми” [Маркс, 1961: с. 32] (курс. мой. — В.К.). Эти познавательные операции если не тождественны, то очень близки к рассмотренным выше познавательным операциям Вебера по конструированию идеального типа посредством установления “общего культурного значения”, познавательной значимости. Для Маркса в первом томе “Капитала” (“Процесс производства капитала”) значимым был процесс производства капитала, и он сделал ряд допущений, необходимых для наиболее полного исследования его в *чистом виде*.

Продолжая свою мысль касательно использования допущений, Маркс констатирует: “Поэтому здесь *предполагается* не только то, что товары продаются по их стоимости, но также и то, что это совершается при неизменных обстоятельствах” [Маркс, 1961: с. 32]. Несколько схематично и, возможно, упрощенно, можно сказать, что наряду с указанными выше допущениями Маркс при анализе капитала использует и другие необходимые предположения. Однако он не указывает, в каких рамках он пользуется ими, в частности последним предположением о продаже товаров по их стоимости, определяемой количеством труда или количеством рабочего времени, общественно необходимого для их изготовления.

Следует отметить, что приведенное выше предположение (его можно назвать четвертым допущением) широко используется Марксом в первом томе “Капитала”, где он исходит из того, что при капиталистическом способе производства происходит эквивалентный обмен. Это он постоянно и систематически подчеркивает в первом томе, в частности, пишет: “Превращение денег в капитал должно быть раскрыто на основе имманентных законов товарообмена, т.е. исходной точкой должен послужить нам обмен эквивалентов” [Маркс, 1960: с. 176].

Однако, с одной стороны, сам Маркс неоднократно отмечал и подчеркивал, что обмен эквивалентов происходит лишь в том случае, если мы берем явление в чистом виде, что товарообмен только “в своем чистом виде” есть обмен эквивалентов, что в “своей чистой форме процесс обращения товаров обуславливает собой обмен эквивалентов” [Маркс, 1960: с. 171], а с другой

стороны, ясно, что явления в реальной действительности в чистом виде существовать не могут, что, несомненно, было понятно и Марксу. Значит при реально существующем капитализме, а не в теоретической системе, созданной Марксом, обмена эквивалентов не существует. Если же он все же встречается, то как исключение, а не как правило. Это, по существу, доказано как всей историей развития и существования капитализма, так и экономической наукой Запада. То есть у Маркса речь идет не о реально существующем капитализме, а о таком, какого не было ни при Марксе, ни позже, да и вообще не могло быть. Маркс в “Капитале” создал некую теоретическую конструкцию, утопию, идеальный тип.

Теоретическое предположение об эквивалентном обмене влечет за собой как следствие признание уравновешенности спроса и предложения, отрицание их влияния на цену предлагаемого на рынке товара. Маркс понимает, что это всего лишь допущение. Более того, он подчеркивает, что даже “вульгарная политическая экономия”, которая “несмотря на полное непонимание того, что такое стоимость, всякий раз, когда пытается на свой лад рассматривать явление в чистом виде, предполагает, что спрос и предложение взаимно покрывается, т.е. что влияние их вообще уничтожается” [Маркс, 1960: с. 169].

Приведенные выше предположения — об обмене эквивалентами и устойчивом равновесии спроса и предложения — были необходимы Марксу для того, чтобы, в широком плане, вскрыть источник(и) прибавочной стоимости, а в более узком — показать, что она не возникает в сфере обращения товаров.

Как известно, в первом томе “Капитала” Маркс пытается обосновать, что источником прибавочной стоимости является прибавочный труд эксплуатируемого наемного работника — пролетария. Иные точки зрения, в частности о возникновении прибавочной стоимости в сфере обращения товаров, необходимо было если не опровергнуть, то поставить под сомнение. Оба приведенных выше фундаментальных Марксовых положения основывались на выделенных мною допущениях, более того, с их использованием более наглядно воспринимались и становились понятнее.

Указав, что тезисы об обмене эквивалентами и устойчивом равновесии спроса и предложения суть предположения, далее Маркс пишет: “...если в отношении потребительной стоимости оба контрагента могут выиграть, то на меновой стоимости они не могут оба выиграть. Здесь господствует скорее правило: “Где равенство, там нет выгоды”. Хотя товары и могут быть проданы по ценам, отклоняющимся от их стоимостей, но такое отклонение является нарушением законов товарообмена. В своем *чистом виде* он есть обмен эквивалентов и, следовательно, не может быть средством увеличения стоимости” [Маркс, 1960: с. 169] (курс. мой. — В.К.). Далее, в качестве вывода из изложенного, Маркс утверждает, что “за попытками рассматривать обращение товаров как источник прибавочной стоимости скрывается обыкновенно *quid pro quo*, смешение потребительной стоимости и меновой стоимости” [Маркс, 1960: с. 169], и уточняет: “Если обмениваются товары или товары и деньги равной меновой стоимости, т.е. эквиваленты, то, очевидно, никто не извлекает из обращения большей стоимости, чем пускает в него. В таком случае не происходит образования прибавочной стоимости. В своей *чистой форме* процесс обращения товаров обуславливает собой обмен эквивалентов. Однако в действительности процессы не совершаются *в чистом виде*” [Маркс, 1960: с. 171] (курс. мой. — В.К.).

Следует отметить, что во втором томе “Капитала” (“Процесс обращения капитала”) Маркс отказывается от упомянутых допущений касательно спроса и предложения, пытаясь обосновать тезис об увеличении стоимости в процессе обращения капитала, в частности, в зависимости от скорости его обращения.

В целом равновесие спроса и предложения при реально существующем капитализме весьма проблематично и если существует, то как исключение. Капиталистического общества, в котором бы было устойчивое и продолжительное их равновесие хотя бы по одному товару, не было и вряд ли может быть.

Для анализа различных вариантов соотношения спроса и предложения в экономической науке на Западе строятся различные модели, например, “кривая спроса” и “кривая предложения”. Как пишет К.Эклунд: “Простая модель спроса и предложения существует уже почти 200 лет. В течение последнего столетия она — в более развитой форме — составляет ядро политической экономии” [Эклунд, 1991: с. 55]. В совокупности эти модели показывают, как свободный рынок, не находящийся в состоянии равновесия спроса и предложения, в то же время “как бы сам по себе стремится к равновесию”, которое достигается только в точке пересечения кривых спроса и предложения, или, как пишет П.Самуэльсон, “в точке пересечения S объем предложения равен объему спроса” [Самуэльсон, 1992: с. 57].

Стандартным же и доминирующим состоянием рыночной экономики является отсутствие равновесия между спросом и предложением. Следует отметить, что длительный и все возрастающий дисбаланс может привести, например, к кризису перепроизводства товаров, закрытию предприятий, безработице и т.д. В то же время наличие устойчивого равновесия между спросом и предложением исключало бы конкуренцию как между всеми сторонами данного взаимодействия — потребителями, производителями, посредниками.

Указанные допущения относятся к основополагающим методологическим началам “Капитала”; вся теоретическая система Маркса основывается на них. “Капитал” во многих отношениях представляет собой не столько знание о сущности капиталистического общества, его характерных чертах, специфике, сколько средство, при помощи которого можно получить это знание. Можно было бы еще привести и другие допущения и предположения, сознательно принимаемые Марксом в его работе, каждое из которых абстрагируется от реально существующего капиталистического общества. Важно отметить, что такого рода идеально-типические пресуппозиции встречаются у Маркса не только при анализе экономики, но и касательно политики, а также других сфер жизнедеятельности человека.

Определенным аргументом в пользу гипотезы о том, что “Капитал” во многом являет собой совокупную конструкцию из ряда идеальных типов, может послужить нам мнение Вебера, который прямо и недвусмысленно утверждает это: “Мы сознательно отказались здесь от того, чтобы привести наиболее важный для нас пример идеально-типической конструкции — мы имеем в виду концепцию Маркса. Это сделано из тех соображений, чтобы не усложнить еще больше наше исследование интерпретациями Марксова учения” [Вебер, 1990: с. 404]. Из этого высказывания немецкого социолога видно, что для него, без сомнения, теоретическая система Маркса являлась совокупностью идеальных типов. Следует отметить, Вебер считает, что такие категории, как “феодализм” и “империализм”, также представляют со-

бой идеальные типы, и можно продолжить, — “капитализм”, “социализм”, “коммунизм” и т.д. Это же суждение Вебера указывает на “близость” методов исследования обоих мыслителей.

Еще одним аргументом в пользу высказанной гипотезы является критика, с которой обрушились на Маркса многие его оппоненты, в частности, шум, поднятый в экономической литературе по поводу выхода третьего тома “Капитала”. Так, итальянский экономист Лория объявил закон стоимости “абсурдом”, “химерой”. Более конкретно он пишет: “заниматься стоимостью, по которой товары не только не продаются, *но и не могут продаваться (ne possona uendersi mai)*, этого не делал еще, да и никогда не сделает ни один экономист, сохранивший хотя бы следы рассудка” (цит. по: [Энгельс, 1988: с. 421]). Пересказывая точку зрения Лория на Марксову теорию капитала, Энгельс пишет: “В самом начале своего сочинения Маркс, дескать, заявляет, что обмен может приравнять два товара только потому, что они содержат равные количества однородного элемента, а именно равное количество труда. Теперь же он торжественно отрекается от самого себя, утверждая, что товары обмениваются не пропорционально содержащимся в них количеством труда, а в совершенно иной пропорции” [Энгельс: 1988: с. 421–422]. То есть Лория фиксирует реально существующую ситуацию и прав в отношении констатации фактов и наличия противоречивых утверждений в работах Маркса, но он не прав в своих выводах, утверждая, что это “абсурд”, “бессмыслица” и “отречение” Маркса.

Интересно в этом плане и мнение К.Шмидта, который в частном письме Ф.Энгельсу назвал закон стоимости “гипотезой” и “фикцией” (см.: [Энгельс, 1988: с. 425]), и отношение к этой критике Энгельса, который приводит эту точку зрения в своей работе “Дополнения к третьему тому “Капитала”. Закон стоимости и норма прибыли”, опубликованной в 1895 году. Подходы Лория и Шмидта довольно близки, но Энгельс вынес мнение последнего на всеобщее обсуждение и противопоставил его точки зрения Лория, так как мнение первого — высказанный Марксом абсурд есть его научное самоубийство, а мнение второго — высказанная Марксом гипотеза является теоретической необходимостью, исходным пунктом исследования. Лория не понял того, что увидел Шмидт, что подчеркнул Энгельс и на что позже специально указал Вебер: теоретическая система Маркса — не отражение действительности. Она включает некие фикции — допущения и предположения, посредством которых добывается и производится знание о конкретно существующей действительности. Но использование этих фикций — не абсурд, а сознательное специальное действие, метод познания, используемый, в частности, в общественных науках.

Поэтому вполне можно согласиться с Карлом Поппером, утверждавшим, что “капитализм” Маркса никогда не существовал: “Важно, однако, то, что “капитализм” в том смысле, в каком Маркс употреблял этот термин *нигде и никогда не существовал* на нашей прекрасной планете Земля — он реален не более, чем дантовский Ад. Но если тех, кто серьезно утверждал или верил, что Ад можно найти где-то на нашей планете, очень мало, то миллионам марксистов внушили, — и они поверили в это — Марксов капитализм существует в странах Запада” [Поппер, 1992: с. 11–12]. По мнению Поппера, Марксов капитализм не существовал, так как “капитализм” в теоретической системе Маркса представляет собой “неудачную теоретическую конструк-

цию”, “химеру”, “чистую иллюзию”, “несущественную мысленную конструкцию”, “мираж”.

Можно дискутировать, является ли эта теоретическая конструкция “удачной” или “неудачной”, но в том, что идеи Маркса во многом являются лишь теоретической конструкцией, не адекватной реальности, “миражом”, Поппер хоть и не оригинален, но прав. Но я бы не согласился с ним в том, что он ставит, как и Лориа, это в упрек Марксу, видит в этом ошибку Маркса, научный порок, не допуская, что эта “несуществующая мысленная конструкция” и создавалась только для того, чтобы быть этой “несуществующей мысленной конструкцией” и именно в этом качестве быть средством познания реальной действительности. Обвинять Маркса в том, что его теория есть утопия, фантазия, химера, мираж (а это так и есть), — значит встать на позиции панлогизма, трактовать теорию марксизма с точки зрения натурализма. Многие предпринимают попытки найти в реальной действительности, как выразился Поппер, кто “ад” или “рай”, кто “капитализм” или “социализм”. Не находя ни того, ни другого, одни разочаровываются кто в боге, кто в Марксе, перестают верить в них и читать — кто Библию, кто “Капитал”. Другие же после неудачных попыток “обрести рай” превращают теорию в догму, набор “абсолютных истин” и стараются подогнать под них действительность, “насилуют” историю и общественное развитие.

Однако понять Маркса с позиций панлогизма невозможно, необходим решительный отказ от теоретических основ натурализма, и в этом большое значение имеют идеи Вебера.

В заключение следует еще раз подчеркнуть: Марксом создана взаимосвязанная и целостная система идеальных типов, которая не является знанием о реальности — она лишь средство производства знания о ней. В “Капитале” это средство производства знания о конкретных, реальных, национальных разновидностях капитализма, а в перспективе — о капитализме вообще. В теоретической конструкции “капитализм вообще” не предполагаются фантазии и химеры; это не бессмыслица, но в этой конструкции как общении отсутствует ограничение безграничности познания капитализма реального, отсутствуют критерии установления “общего культурного значения” (по Веберу), или значимости тех или иных качеств капитализма, разве что на базе количественной повторяемости, а не качественной определенности. В идеальном же типе значимость назначается субъектом умозрительно, посредством его “фантазии”, “социологического воображения” и т.д.

В целом можно сказать, что изложенная точка зрения касательно использования Марксом в “Капитале” идеальных типов (в понимании Вебера), позволяет более глубоко исследовать капиталистическое общество — как современное, так и капиталистическое общество вообще. Такое видение распространяется и на различные возможные вариации капиталистического общества, как бы они ни назывались — индустриальное, посткапиталистическое, посткоммунистическое, современная западноевропейская цивилизация, общество “третьей волны” и т.д.

Источники

Вебер, М. (1990). *Избранные произведения*. М.: Прогресс.

Гайденко, П. П., Давыдов, Ю. Н. (1991). *История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс*. М.: Политиздат.

- Гидденс, Э. (2005). *Социология*. М.: Едиториал УРСС.
- Громов, И. А., Мацкевич, А.Ю., Семенов, В. А. (1997). *Западная социологи*. СПб.: Ольга.
- Осипов, Г. В. (Ред.), (1999). *История социологии в Западной Европе и США*. М.: НОРМА–ИНФРА М.
- Казаков, В. (2014). Николай Кондратьев: проблема новой науки. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 1, 182–198.
- Кустарев, А. (1990). Начало русской революции: версия Макса Вебера. *Вопросы философии*, 8, 119–130.
- Леонтьев, В. (1990). Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М.: Политиздат.
- Маркс, К. (1960). Капитал. Критика политической экономии. Т. 1, кн 1: Процесс производства капитала. В К. Маркс и Ф. Энгельс. *Сочинения*. Т. 23. М.: Гос. изд-во полит. литературы.
- Маркс, К. (1961). Капитал. Критика политической экономии. Т. 2, кн. 2: Процесс обращения капитала. В К.Маркс и Ф.Энгельс. *Сочинения*. Т. 24. М.: Гос. изд-во полит. литературы.
- Моммзен, В. (1990). Макс Вебер и историческая наука. *Новая и новейшая история*, 4, 55–64.
- Поппер, К. Р. (1992). *Открытое общество и его враги*. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс, Междунар. фонд “Культурная инициатива”.
- Ритцер, Дж. (2002). *Современные социологические теории*. СПб.: Питер.
- Самуэльсон, П. (1992). *Экономика*. Т. 1. М.: НПО “АЛГОН” ВНИИСИ.
- Сколотьяный, Ю. (2018). Анатолий Гальчинский: “Новое прочтение Маркса — одна из важнейших задач нашего времени”. *Зеркало недели*, 17, 7.
- Аверинцев, С. С., Араб-Оглы, Э. А., Ильичев, Л. Ф. и др. (Ред.), (1989). *Философский энциклопедический словарь*. М.: Сов. энцикл.
- Эклунд, К. (1991). Эффективная экономика — шведская модель: (Экономика для начинающих и не только для них...). М.: Экономика.
- Энгельс, Ф. (1988). Дополнения к третьему тому “Капитала”. Закон стоимости и норма прибыли. В К. Маркс, Ф.Энгельс. *Избранные сочинения в 9 т.* Т. 9, ч. 2 (с. 419–437). М.: Политиздат.

Материал поступил 26.06.2018

References

- Averintsev, S. S., et al., (Eds.), (1989). *Encyclopedic Dictionary of Philosophy*. [In Russian]. Moscow: Soviet Encyclopedia Press. [= Аверинцев 1989]
- Eklund, K. (1991). *Vår ekonomi: En introduktion till samhällsökonomin*. [In Russian]. Moscow: Ekonomika Press. [= Эклунд 1991]
- Engels, F. (1965). Ergänzung und Nachtrag zum III. Buche des „Kapitals“. 1. Wertgesetz und Profitrate. [In Ukrainian]. In K. Marx, F. Engels, *Works in 50 vol.* Vol. 25, Pt. 2 (pp. 425–443). Kyiv: Publishing House for Political Literature in Ukraine. [= Энгельс 1965]
- Gaidenko, P. P., Davydov, Yu. N. (1991). *History and Rationality: Max Weber's Sociology and the Weberian Renaissance*. [In Russian]. Moscow: Politizdat. [= Гайденко 1991]
- Giddens, A. (2005). *Sociology*. [In Russian]. Moscow: Editorial URSS. [= Гидденс 2005]
- Gromov, I. A., Matskevich, A. Yu., Semenov, V. A. (1997). *Western Sociology*. [In Russian]. Saint Petersburg: Olga Press. [= Громов 1997]
- Kazakov, V. (2014). Nikolai Kondrat'yev: The Problem of a New Science. [In Russian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 1, 182–198. [= Казаков 2014]
- Kustarev, A. (1990). The Origins of the Russian Revolutions: Max Weber's Version. [In Russian]. *Issues of Philosophy*, 8, 119–130. [= Кустарев 1990]

- Leontief, W. (1990). *Essays in Economics. Theories, Theorising, Facts and Policies*. [In Russian]. Moscow: Politizdat. [= Леонтьев 1990]
- Marx, K. (1963). Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Erster Band, Buch I: Der Produktionsprozess des Kapitals. [In Ukrainian]. In K. Marx, F. Engels, *Works in 50 vol.* Vol. 23. Kyiv: Publishing House for Political Literature in Ukraine. [= Маркс 1963]
- Marx, K. (1964). Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Zweiter Band, Buch II: Der Circulationsprozess des Kapitals. [In Ukrainian]. In K. Marx, F. Engels, *Works in 50 vol.* Vol. 24. Kyiv: Publishing House for Political Literature in Ukraine. [= Маркс 1964]
- Mommsen, W. (1990). Max Weber and Historical Science. [In Russian]. *Modern and Contemporary History*, 4, 55–64. [= Моммзен 1990]
- Osipov, G. V., (Ed.), (1999). *A History of Sociology in Western Europe and the USA*. [In Russian]. Moscow: NORMA Press. [= Осипов 1999]
- Popper, K. R. (1992). The Open Society and Its Enemies. [In Russian]. In K. R. Popper, *Works in 2 vol.* Vol. 1: The Spell of Plato. Moscow: Phoenix Press; International Cultural Initiative Foundation – Soros Foundation USA. [= Пoppers 1992]
- Ritzer, G. (2002). *Modern Sociological Theory*. [In Russian]. Saint Petersburg: Piter. [= Ритцер 2002]
- Samuelson, P., Nordhaus, W. (1992). *Economics*, in 2 vol., vol. 1. [In Russian]. Moscow: Algon Press (attached to the All-Union Academic Research Institute of Systemic Studies). [= Самуэльсон 1992]
- Skolotianyi, Yu. (2018). Anatoliy Halchinskiy: “Re-Reading Marx is One of the Most Important Tasks Nowadays”. [In Russian]. *Mirror Weekly*, 17, 7. [= Сколотяный 2018]
- Weber, M. (1990). *Selected Works*. [In Russian]. Moscow: Progress. [= Вебер 1990]

Received 26.06.2018